

Николай Ольков

*Птица,
залетевшая
в ОКНО*

Собрание сочинений. Том 16

Николай Ольков
Птица, залетевшая в окно.
Собрание сочинений. Том 16

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081582
ISBN 9785449050021*

Аннотация

Как ни странно это звучит, книга посвящена алкоголикам. Это страшное явление захватило страну, народ спивается и гибнет, а в обществе нет тревоги: каждый за себя. Со времен «Серой мыши» Виля Липатова у нас нет произведений, анализирующих истоки этой проблемы, поднимающих общественное мнение. Мой герой сделал хорошую карьеру, создал семью, но уже не мог жить без рюмки коньяка, потом это превратилось в бутылку водки. Он теряет работу, положение, семью, и только мощный инфаркт изменил все...

Содержание

1	5
2	12
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Птица, залетевшая в окно
Собрание
сочинений. Том 16

Николай Ольков

© Николай Ольков, 2018

ISBN 978-5-4490-5002-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Сказывают, Кириченко помер?

– Хватилась! Ишо вчерась. Паралик его разбил. Как увезли в район, так и помер.

– Отпил, прости Господи!

– Да, уж попил! Замены таперича в деревне ему нетука.

– И что ты ни говаривала? А евоные сынки подрастают?

В школе две цифры в одну скласть не умеют, а бражку делают. Я не видала, кума Анна сказывала.

Бабы сидели на старом, источенном жуками бревне, которое осталось от строительства избы и называлось, кто как умел: то скамеечкой, то завалинкой. «Пошли, посидим на завалинке». На зиму в деревне первые венцы избы или домика окапывали землёй, заваливали, оттуль и завалинка, весной землю отгребали, чтобы бревна не прели. Никто никогда на завалинке не сидел, а вот возьми ты за рупь двадцать – прижилось, и всякому понятно.

Собирались, когда управляли скотину, с кем-то из молодых отправляли молоко на молоканку, ужинали картошкой в мундирах, сваренной прямо на ограде на таганке. Обруч о трёх ногах ставили посреди ограды, чтобы не дай Бог что не вспыхнул сарай или пригон, под него сухой щепы либо прутиков сухих, специально нарубленных, дрова на такую мелочь изводить считалось глупостью. В обруч ставили чу-

гунок с картошкой, на сухом огне вода вскипала быстро, время от времени ножом протыкали картошку и определяли готовность. Картошка сибирская во все времена была скусной, мундир на ней лопался, крахмал так и пёр, выворачивался на обе стороны. Картоху хозяйка вываливала на чистую доску прямо посреди стола, тут же блюдо с огурцом, горсть пера лукового, капуста кислая из прошлых припасов. На ужин хлеб не полагался, а вот маленьким, если есть в семье, по кружке молока наливали.

– Киричонка-то резать будут или так отдадут?

– А чего у него резать? Руку с войны не принёс, да и так худой да грязной.

Грузная Дарья Поликарповна хохотнула:

– Девки, теперича дело прошло, а я ведь перед войной с Ванькой-то погуливала. Правда, мелковат он был росточком, но не скажи, кума, лишнего, не гневи Бога: как мужик был исправной, я в колхозной бригаде всех мужиков на ощупь знала, а Ваньку на отличку помнила.

– Знаю, знаю, – с улыбочкой пропела слепая Галя.

– А пошто взамуж за ним не пошла? – спросила Евдокия, вычерчивая своим костыльком крестики на песке.

– Да теперь уж и не помню, то ли жила с кем, то ли он не позвал.

Подошла Парасковья Михайловна, старуха крепкая, из большой семьи соседнего уезда в деревню замуж вышла, вот и спаслась, а родных всех отправили на Север.

– Сын мой из конторы пришёл, сказывал, что кто-то был в районе и Ваньку видал.

– Живого?

– Откуда живого, если он ещё вчера помер? Говорит, чёрный весь, и лицо, и руки.

– Знамо дело! – Федора Касьяниха подняла голову и окинула компанию суровым взглядом. – Ты тоже брякнула: паралик! Паралик – он в голове от большого ума образуется, а Ванька-то тутака причём? Он же с вина сторел. И спору нет. Вино в нем спирт копило-копило, вот и вспыхнул, сторел, и внутри у Ваньки теперь ничешеньки нет, так изо рта дымок и пошёл.

Парасковья Михайловна аж привстала при всей своей полноте:

– Ну, у тебя ни стыда, ни совести, судишь, как будто видала.

– Сужу, оттого что знаю, – проворчала Касьяниха. – Хошь знать, Иван сам говорил, что уж раза по три в окошко какая-то чёрная птица залетала, а то на раму сядет и стучит. К покойнику это. И не спорьте. Старики примечали. Вот и случилось.

Матрена Кулебякина перекрестилась:

– Врёшь ты все. А вот сказано в писанье, что придёт Господь и поднимет мёртвых. И чего? Ванька встанет, а нутра нет. И как жить?

Все промолчали. На ночь глядя, о страшном говорить опа-

сались.

Поликарп Евдинович сидел у приоткрытой створки и весь разговор слышал, только себя не обнаруживал. К его домишку на завалинку и собирались по приглашению Кристины Васильевны, она заманивала гостей то семечками, то первыми огурцами, то стряпней, на которую была большая мастерица. Крестинью Васильевну схоронили, а первой же весной, как только чуть стало пригревать, потянулись старухи на знакомое место. Прасковья Михайловна, которая доводилась сватьей, как-то стукнула в створку:

– Сват, мы тут посидим, тебя не потревожим? Привадила нас Васильевна, царства ей небесного!

– Сидите. Стряпни не имею, а вот семечками могу угостить.

Так и повелось.

Поликарп вздохнул: тяжело ему без Васильевны, считай, полвека прожили душа в душу, деток Бог дал, друг за другом ухаживали. Поликарп плотник был славный, ни одна работа без него не обходилась. И вот как-то после обеда, перекусив, что было в узелках, заговорили мужики о бабах. Да не о своих, а кто где на стороне какие номера откалывал. И выпала очередь сказывать Поликарпу Евдиновичу. Он помолчал, докурил самокрутку, вдавил окурочек в жирную глину и сказал:

– Я, ребята, иных женщин, кроме Крестины, не знаю и знать не желаю. Вот такой мой сказ.

Мишка Плешин, блудливый мужичишка, он и начал тот разговор, ужом взвился:

– Врёшь ты, дядя Поликарп, проще сказать – вводишь коллектив в заблуждение. Мы в своих грехах признались для общей пользы и радости, а ты в сторонке решил остаться? Чистеньким хочешь быть? Не получится!

Поликарп спокойно ответил:

– Сядь, Михаил, я все слышал, и про заслуги твои с сомнением, только отвечаю, как и должно быть: святая правда, что не изменял я жене своей, и хватит об этом. Ежели на то пошло, так это личное дело мое и каждого, да и хвастать тут особо нечем.

– Дядя Поликарп! – не унимался Мишка. – Ты признайся, а то я тебя на чистую водицу выведу. Ты помнишь, на курорте был у Черных морей? И с артисткой крутил, которая из «Тихого Дона»? Ты тогда и фотокарточки привозил. А баба моя на почте работала, дак она письма еёные вскрывала и читала. И ты хочешь сказать, что устоял против такого натиска?

Поликарп улыбнулся:

– Дурак ты, Мишка, и мысли твои дурацкие. Она народная артистка, на танцах пригласила меня, а я в молодости вальс крутил, только в конце музыки приземлялся. Конечно, ей понравилось. И я поглянул, интересно ей, городской, из такого круга, поговорить с человеком от земли, деревенским. Каждый вечер встречались и гуляли.

– Дядя Поликарп, да если по кинокартине, она тебя в первый же вечер должна была сомустить! Такая баба!

– Умная и скромная, и письма писала душевные, и Кристине моей завидовала, какой у неё муж. Все, Михаил, ты бы топором так работал, как языком, цены бы тебе не было...

Она болела недолго, так и говорила:

– Я тебя, Карпуша, не буду мучить, скоро уберусь. А ты живи, присмотришь какую бабочку – веди, я в обиде не буду.

Он сидел рядом с кроватью и держал её руку, слышал последний вдох, лёгкую судорогу и последнее движение вытягивающегося тела. Когда женщины омыли покойницу, обрядили и положили на лавку, он опять сидел рядом, не вставая положенных два дня. Ночью, когда все уходили, он открывал простынку с её лица, молча смотрел и плакал.

После похорон сорок дней не выходил из дома, поговаривали разное: то ли умом сшевелился, то ли горькую пьёт. Сороковины отводили родственники, Поликарп, исхудавший, обросший, молча выпил полный стакан водки:

– Прости меня, Кристюшка моя дорогая, только с сегодняшнего дня думать о тебе перестаю, а то уж видения мне являются.

Натопил баню, сходил постригся к Прокопью Александровичу, после бани побрился и впервые за сорок дней сварил супчик. Началась новая жизнь...

На другой день к обеду привезли Ивана Кирикова, ночь ночевал дома, а часам к десяти стали подходить люди. Это

в деревне так заведено, прийти к покойному, помолчать, потом вслед процессии бросить три горсти землицы, а то и сходить на могилки, там попрощаться. Иван все послевоенные годы прожил незаметно для людей, в колхозе выполнял самую простую работу, больше по сторожению, но охранник из него выходил неважный. С вечера прихватывал банку бражки, пил глоточками, но ему хватало, и через пару часов можно было не только барахло – самого сторожа утащить.

– Да... – говорил каждый, выходя из скорбной избы.

– Хоть и пил, а никому худого не сделал.

– Никому. Что попросишь – всегда поможет.

Прокопий Александрович, воевавший вместе с Иваном, вышел из избы и вытер слезу:

– Он меня на фронте два раза спас. Однажды послали нас впереди роты бежать, как дозор, я передом, Иван приотстал. Прошли с полкилометра, лес реденький, и слышу сзади выстрел, оглянулся, а Иван на берёзу показывает в стороне от тропинки. Снайпер сидел, я прошляпил, а Иван усёк, что тот в мою сторону ствол повернул. Ну, и бахнул его из карабина. А второй раз на минное поле нарвались, опять я передом бегу, в зубах крови нет, все вши под пилоткой со страху примерли, а Иван опять чуть отстал. А потом со всего лету ударился об меня, сбил с ног, и сам пластом пал, только мина уже сработала. Вот тогда ему руку-то и оторвало.

2

Поликарп Евдинович хватил горя за свою жизнь, только никто о том не знал, разве покойная Крестинья Васильевна чего от него слышала, и то навряд ли, а вот на тебе, чужому человеку, постояльцу своему в трезвом ночном разговоре обо всем поведал. Почему не убоялся, что человеку этот может быть не столько порядочным, сколь показался Поликарпу, а может и не думал он о последующем, бывает такое с русским человеком, что надо высказаться, а там хоть не рассветай. Вот и тут подобный случай.

Постояльца того сельсовет направил, секретарша привела:

– Прими, Поликарп Евдинович, у тебя и хоромы позволяют, и тишина в доме, а человек это важный, и дела его мне не ведомы.

Познакомились, хозяин ужин сгоношил, распечатал бутылочку «Московской», приняли по стаканчику, закусили. Зима, на каждом деревенском столе мясо не выводится, солонина всяческая: грузди, капуста, огурец, помидоры. Покойница мастерица была, и Поликарп перенял все хитрости, у них помидоры, например, и в марте месяце были как свеженькие. Ну, одни речи, другие, гость и спрашивает:

– Поликарп Евдинович, судя по годам, вы и первую мировую захватили, и гражданскую, да и в Отечественной тоже

пришлось постоять?

– Истинно так, молодой человек, всего отведал. Могу рассказать, коли интерес есть. Родился я ещё в прошлом веке, так что к Германской в аккурат созрел. Грамоту знал, потому сразу попал на подготовку и получил унтера, было такое звание – не солдат, да и не офицер, так, средне. Хаживал и в штыковую, помню и австрияку, которого первым на нож взял. Мерзко это, но война, присягали царю и Отечеству, за них и «ура» кричали. Только смотрю я – не все ладно в армии. То снарядов не подбросят, то кормить перестанут, а места такие, что население куска хлеба не даст русскому. Стали вылупляться разные людишки, с речами про замирение, про братанье, один так и высказался:

– Немец вам не враг, он такой же пролетарий и крестьянин, как и вы, потому делить вам нечего, у них и у вас враг один: капиталисты и помещики. Надо поворачивать оружие против царя и устанавливать на всей земле диктатуру пролетариата.

Мне интересно, я и спрашиваю:

– Диктатура, как можно понять, это власть, тогда отчего только пролетарская, а не народная? Крестьянина вы не берете в свою власть?

А он отвечает, несчастный:

– Крестьянин – элемент несознательный, он до революции не дорос ещё, вот мы его и будем воспитывать и приобщать. Но теперь не об том речь, а надо командиров ваших

убирать и избирать комиссаров в каждом полку, и чтоб командир строго комиссару подчинялся. Вот тогда побратаемся с немцами и пойдём на царизм.

Ну, это я так кратко сложил все речи в одну, чтоб понятней было. И опять непонятно, как эти людишки к нам пробираются, почему никто из офицеров в это время не появится, чтобы порядок навести. И случись такая неприятность: этот упырь нас агитирует к примирению, немцев братьями называет, а они в это время по нашему митингу артиллерийский огонь открыли. Я тогда схватил винтовку и застрелил того агитатора.

Дальше – больше, и братания, и дезертирство начались. Командир полка у нас был хороший человек, подполковник Бековский, я к нему:

– Господин подполковник, научите, что делать честному человеку и солдату.

Так я с подполковником и остался, сперва к Врангелю примкнули, со своими братьями воевали, но я не чувствовал вины, за мной были присяга и государь, хотя и отрёкшийся. Мы не верили в отречение, и подполковник объявил, что это все подстроено, чтобы народ с толку сбить. За море мы не побежали, пристроились к Колчаку, но красные теснят, порядка в войсках не стало, уже за Уралом в открытую разрешалось мародёрство. Подполковник Бековский собрал нас, кто с ним пошёл, и сказал такие слова, какие я никогда не забуду:

– Похоже на то, братцы, что Россия продана жидам окончательно, наш верховный тоже не промах, о своей будущей жизни позаботился, сундуки золота везёт, полк на охране держит. Потому не вижу смысла служить ни белым, ни красным. Данной мне властью освобождаю вас от присяги и полк распускаю. Простите меня, братцы, что слишком поздно разобрался, кто есть кто.

Обнялись мы с ним, и в разные стороны. Я один шёл, все лесами, в деревни заходил только ночью, выслеживал, чтобы красные не стояли и заходил. Под ружьём и хлеб брал, и сало, и сапоги погоднее. В лесу же наткнулся на трёх убитых красноармейцев, у одного документ нашёл: Раздорской Поликарп Евдинович. Взял, до Омска добрался, тут уж советская власть, а куда далё – не знаю, на родину к Волге дорога дальняя, да и не ждёт никто, все родные в голодные годы примерли. Подсел к таким же горемыкам, раненые, идут домой. Толковые ребята, сразу сообразили, кто я есть. Говорят:

– Тут госпиталь недалеко, если изловчишься раздобыть бумагу про ранение, смело можешь к властям обращаться и притулиться где в деревне.

Надо было сказать, что при расставании подполковник Бековский отдал мне свои золотые часы, подарок от государя императора. Пришёл в госпиталь, пригляделся, бегают в белом халате молодой, чернявенький, говорят, он старший и есть. Я к нему, так, мол, и так, был контужен, отправлен домой, а на вокзале мешок с барахлом украли у сонного, а там

справки и лекарства от головы. При мне только красноармейская книжка и осталась. И подаю ему бумагу. Он глянул и радостно так улыбнулся:

– Как же так, красноармеец Раздорский, неделю назад я тебя выписал с пулевым ранением в руку, а ты сегодня уже с контузией?

Деваться некуда, достаю часы, кладу на стол:

– Господин доктор, напиши бумагу про ранение, и я уйду. А нет – обоим не жить, застрелю я тебя из нагана. – А у самого рука в кармане. – Какая тебе выгода, если я тебя шлёпну, а так я при документе, а ты с часами золотыми, да ещё царскими.

Врач часы повертел, засмеялся:

– Черт с тобой, солдат, бумагу я сделаю, а ты не боишься, что вслед за тобой отправлю комендатуру?

– Не боюсь, – отвечаю, – потому что не дурак же ты, документ белогвардейцу выдал, да ещё часики поимел. Да и не побегу я сразу, за тобой незаметно часика три следить стану, чтобы ты глупостей не натворил.

На том и расстались. Трое суток просидел на одной квартире, только потом подался на вокзал, забился в вагон и в Ишиме вышел. Несколько дней шёл, потом свалил меня тиф, прямо у дороги. И ехала подвода деревенская, увидели меня, отец вроде в сторону, а дочка упросила подобрать солдатика. Выходила меня Крестиньюшка, подняла на ноги, а отпускать не хочет, все отцу приговаривает, что слаб ещё

Поликарп. Отец и сам видит, что не отпустит дочка этого человека, так нас и благословил.

А зимой полыхнуло восстание, крестьянский мятеж, вы его зовёте кулацко-эсеровским. Тесть мой хозяин был самостоятельный, собрал отряд единомысленников, я, конечно, в стороне остаться не мог, власть и коммунистов побили, пошли по ближним сёлам порядок наводить. Я понимал, что мятеж наш обречён, он стихийный, подготовки нет, поддержки никакой, хотя командующий, молодой паренёк Григорий Данилович Атаманов, уверял, что солдаты – те же крестьяне, примкнут. Не примкнули. Первый полк, правда, стрелять отказался, его разоружили и заперли в казарме, зато новые пришли. Наша задача была Ишим взять, железную дорогу перехватить, чтобы составы с хлебом в Рассею не пустить. Дело прошлое, но возьми мы станцию – через месяц в обеих столицах народ от голода взвыл и разнёс бы Кремль со Смольным. Не вышло, три попытки делали, сотни людей положили, но с пикой и винтовкой против пулемёта не попрёшь. Вот тогда и показала советская власть свою любовь к русскому народу, красные командиры деревни прямой наводкой из пушек расстреливали, пленных повстанцев в шеренги строили и из пулемётов косили. Я с ребятами попал в засаду, связали, увезли в тюрьму. Через месяц вызывают на следствие, глаза поднимаю, а за столом подполковник Бекровский сидит, правда, мундирчик на нем уже красноармейский. Я в удивлении, а он вовсе смущён:

– Объясни, как получил новую фамилию?

Объяснил. И сам задаю вопрос:

– А вы, господин подполковник, когда успели переодеться?

Он встал, открыл дверь кабинета, удостоверился, что нет никого, сел на стул:

– Я бежал в Екатеринбург, там связался с офицерским подпольем, помогли сделать новые документы, по которым я отчаянно сражался с тем же Врангелем и гнал Колчака. Обошлось, поверили, видимо, не до тонких проверок, направили в военный комиссариат, теперь вот занимаюсь расследованием. Тебя я вытащу из тюрьмы, тут никакого порядка в делах нет, подложу несколько протоколов, по которым ты, скажем, кашеваром был у бандитов.

Я даже с табуретки вскочил:

– Спасибо, господин или товарищ, не знаю, как обозначить, но обидели вы меня крепко, а потому никаких сделок, я под трибунал, и ты со мной следом. Как вы могли, боевой офицер, пример для солдата, так жидко обмараться? Вызывай конвой, мне противно на тебя смотреть. И не бледней, я не выдам, мне это мерзко.

Бековский опять открыл дверь – никого. Подошёл сзади, положил руки мне на плечи:

– Спасибо, солдат, за верность и правду. Слушать не очень приятно твои речи, только гордостью за русский народ и спасался в эти минуты. Открою тебе свою тайну: я так и остался

офицером русской армии, а здесь выполняю задание центра. Моя задача – спасти лучшую часть восставших, и я это делаю. Знай, солдат, если будет клич, он и к тебе. Мы считаем, что ещё не поздно.

– Почему ваш центр не возглавил мятеж, мы же задыхались без толкового руководства!

Бековский закрыл лицо руками:

– Стыдно, но упустили момент, все случилось столь скоро, что мы ничего не успели предпринять. Но ещё не все потеряно. Большевики планируют крупные акции в деревне, будет проведена кооперация, иными словами, обобществление всего имущества и ликвидация частной собственности. Вот тогда мы поднимем Россию. Так, на сегодня довольно, в камере ни с кем не общайся, ничего не говори. Дай мне неделю, и я отпущу тебя чистым.

Я ему поверил, хотя сомневался, что местные не знают меня и моего тестя, он-то вовсе заметным был человеком, справа от Атаманова часто стоял. В камере уединился, прикинулся больным, ни с кем не говорил, только как-то утром, это уже май, солнце встало и в наше окошко заглядывает, разбудил меня арестант и говорит:

– Тестя твоего вчера шлёпнули.

– Откуда узнал?

– Ночью с допроса нашего деревенского привели, он слышал от конвойных, что они сами водили за стенку.

Я опять лёг, словно известие меня не интересует, а сам ду-

маю, что если тестя расстреляли, то ниточку они правильную тянут, а на другом конце я со своим походом от Гольшмановской до Называевской, не могут они его пропустить. Мы тогда с десятком отчаянных парней потешили демона в сердце своём, в каждой волости находили укрывшихся на первых порах, разбирались скоро, никого не оставили. Да...

Через пару дней ведут к следователю, сидит молодой парень, бумажки полистал и говорит радостно:

– На тебя, Раздорский, обвинительного материала не собрано, так что свободен.

Меня черт за язык дёрнул:

– А ты чему радуешься?

Паренёк засмеялся:

– Отпускать на волю человека приятней, чем в трибунал да к расстрелу. Я человек новый, никак не привыкну. Ладно, иди, пока не завернули.

Так я вышел сухим из такой грязи, что вспомнить страшно. Дома плач, тестя схоронили, хозяйство разорено, чем жить – не знаю. Подался работником к одному хмырю, он восставших поддерживал, мясо и хлеб поставлял, но тихонько, лишние не знали. А подполковника своего я больше не видел, и даже фамилии его новой не знал.

Как колхозы создавали, как крестьянина изнасиловали, про то вспоминать не буду. На Финскую войну не успел, пока собирали, там уж замирение вышло. Я не большой грамотей, а газеты между строчек читать научился. Пишут о мире,

а кругом война идёт, Гитлер воюет с Англией, а с ненавистными Советами бумагу подписывают. Старшего сына Гаврилу на действительную призвали, младшие дома, в колхозе. Я Крестиньюшку потихоньку приучаю к самостоятельности, ребятишек тоже. Тестюшкины заначки нашёл в погребе, когда задумал накат заменить, умудрился же сумку кожаную изнутри на перекрытия запихать. И тут вспомнил я, что уже в тюрьме тесть шепнул мне:

– Если Бог даст выйти, погреб перекрой летом. Не забудь. Или Гаврилке дай знать. И чтоб непременно перекрыли, даже если выселять станут.

Грешным делом, подумал, что от побоев тронулся старик, а он вон что предвидел: вскроем погреб – непременно сумку найдём. А там царские золотые, горстка камушков. Кристюшка прибрала все, я горсть монет свозил в Петропавловск, знакомые киргизы купили и ещё просили привозить. Я их адреса записал и опять же хозяйке: вдруг не придётся самому?

На войну меня привезли под Ленинград, сформировали из сибиряков штурмовую роту. Ну, чтобы понятней, такая рота, которая жить не хочет и каждую минуту ждёт команду «Вперёд!», а что впереди – никому не ведомо. Просто надо взять высотку или деревню, быстро надо, на то и рота. Вроде и не штрафники, видел я потом и эту породу, но спуска никакого не было. Командовал нами молодой лейтенант, из наших краёв, Ермаков Иван. Теперь диву даюсь: половине сол-

дат в сыновья подходил, а за отца родного почитали. Отчаянный и толковый командир, но сгорел за нашего брата. Жулик сидел на снабжении, вместо полушубков выдал нам телогрейки. Ваня наш пошёл разбираться и не вернулся, морду набил тому капитану и под трибунал. Сказывали, что вмешался кто-то из большого начальства, от трибунала отвёл, вроде как партбилетом ограничились.

Ну вот, рванулись мы как-то, а фашист нас так встретил, будто ждал. Это как надо русского мужика напужать, чтобы он в незнакомое болото полез? Полезли все, кому жить охота. Чем дальше, тем глубже, а он, падла, с сухого бережка головы поднять не даёт. Выбрал я кочку посolidней, спрятался за ней, винтовку между кочек положил, как перекладину. Час стоим, два, вроде тихо стало, а как только один высунулся, тут же сняли. Караулят, сукины дети. Ночь настала – не уходят, машины подогнали, фарами светят. Только шевельнулся – выстрел. Видно, игру такую придумали. А ноябрь месяц, морозец стукнул, болотная жижа схватывается у тебя под горлом. Спать охота больше, чем жрать. Я голову в кочку, дреманул чуток, очнулся – лёд вокруг шеи в палец. Ну, думаю, либо усну и утону, либо не выдержу и рвану спасаться, а там будь что будет. Двое суток мы так простояли, из сотни вышли только пятнадцать. Мне сестричка кружку спирту налила, я выпил и спать. Вот так бывало.

Потом перевели меня в полковую разведку, оттуда в дивизионную. Я ни одного человека не знал, кто бы такому повы-

шению радовался. Кормили, конечно, на убой, но тренировки, учения, а мне за сорок. Задания пустяковые нам не давали, нас находили, когда уже безвыходно: надо языка срочно, у командующего данные расходятся. Раза два сходили нормально, приволокли, кого надо. А потом сами попали, завернули нам головы, как курятам, и приволокли в блиндаж. Старшина у нас был, золотой человек, но всегда ему надо на отличку. Не раз было говорено: в тыл идёшь, сними свои ордена, да и положено так. Он одёргивал:

– Мои ордена кровью заработаны, а если попаду к фашистам, пусть знают, кто есть такой старшина Шкурко.

Ну, дохвалился. Немцы на ордена любоваться не стали, вывели старшину за дверь и шлёпнули. Мы поупирались, но за старшиной идти не хочется, потому рассказали, что знали. Старший, которому переводили, по картам своим сверился, кивнул и велел отправить в ближайший лагерь. Мы тогда ещё не знали, что старшине больше повезло. В лагере есть почти не дают, баланда, у меня такую и свиньи не знали. Через пару дней жестокий понос, а это верная гибель.

Утром выстраивают нас в шеренгу, команда «Равняйся! Смирно!», а мы как стояли, так и стоим. «Равнение на середину!» Три или четыре офицера в центре площадки, один выходит вперёд и начинает по-нашему говорить. И до того мне голос этот знакомый, что, хоть плачь, а вспомнить не могу. В лицо гляжу – лицо плохо видно, сумерки, да и зрение я потерял основательно. А говорил он то, что нам в пер-

вый же день разъяснил раненый пленный, видно, из комсостава, но ребята не выдали: будут агитировать переходить на сторону фашистов и бить своих, так что будьте готовы, солдатики, у кого кишка тонка или кто зло на советскую власть имеет, те перейдут. И будут прокляты своим народом, и дети их будут прокляты! После таких слов в самом деле подумаешь, не лучше ли сдохнуть в лагере, чем семью подставлять.

Офицер говорил недолго, но конкретно: кто соглашается служить великому рейху, тот будет жить, остальные пойдут на каторжные работы, как будто тут мы почти у Христа за пазухой. И стал он ходить вдоль нашей шеренги, и чем ближе ко мне, тем яснее вижу своего спасителя от 21 года, бывшего подполковника Бековского. Постарел, но держится прямо, а немецкая форма к нему не льнёт, в мундире русского подполковника он истинным молодцом был. Напротив меня остановился, долго смотрел, потом улыбнулся:

– Да, солдат, действительно, оказывается, земля круглая. Признаюсь, не ожидал, но наша встреча – добрый знак, и прежде всего тебе. У тебя есть шанс заручиться доверием командования и сделать хорошую карьеру. Я расскажу господину Гольдбергу о твоей борьбе с советами, и ты быстро пойдёшь в гору. Господин Гольдберг...

Дальше он говорил по-немецки, но по тому, как светлело лицо офицера, я понял, что Бековский докладывает об удачной находке. Они ещё перебросились парой фраз, и оба по-

дошли ко мне.

– Мы с господином Гольдбергом решили тебя не торопить, ты подумай сегодня, а завтра выступишь перед лагерем и призовёшь всех на борьбу с коммунистами. Ты расскажешь своё участие в восстании, люди это оценят. Действуй, солдат, кстати, напомни фамилию.

– Вам первую или вторую?

Бековский вскинул брови:

– А была и первая?

– Когда мы с вами за царя и Отечество воевали с этими ребятами, – я кивнул на офицеров, – фамилия моя была Сухарев. Потом, когда кинули мы с вами Россию на коммунистов, пришлось стать Раздорским.

– Довольно об этом, лучше подумай, что скажешь завтра.

– Подумаю, – пообещал я.

Ночью не спал совсем. Откажусь – сразу приму смерть, хоть не мучиться. Соглашусь – что из этого выйдет? На передовую не пошлют, поопасаются, что сбегу. Будут на карательных операциях держать, как последнего мерзавца. Советы и коммунисты мне родными так и не стали, я при них много чего хлебнул, но ведь Родина все-таки там, вот здесь, на этих болотах. И семья там, и Христюшка, и Ганя, и девчонки. С ними-то как?

И решил я предложить господам офицерам игру: я соглашаюсь, прохожу подготовку, чтобы отправили меня в Россию для диверсий, для шпионажа или как там у них. Сразу на-

помню господину бывшему подполковнику, что вожжи всегда в его руках, потому что, если вдруг пропаду или не вернусь, он может сообщить советским органам и про участие в банде, и про плен, и про согласие на сотрудничество. Сам для себя решаю: если не согласятся, пусть расстреливают.

Утром меня привели к подполковнику. На столе стояла тарелка супа и сковорода с жареной картошкой.

– Позавтракай, солдат, потом поговорим.

Я стал есть, но осторожно, после голодухи боялся окочуриться. Когда отодвинул посуду, хозяин встал и прошёлся по комнате:

– Ты можешь называть меня господином подполковником, я тут повышения не получил. Ты так и будешь Раздорский. Что же ты надумал, дорогой Раздорский?

Мне шибко пришлось себя сдерживать, потому что слишком многое поставлено на карту, да что там многое – все. Подполковник выслушал, даже одобрительно кивнул, когда я сказал о вожжах.

– Меня настораживает, что ты сразу запросился в Россию. Конечно, тебя расстреляют сразу, как только я передам сведения в органы. Что тебя туда влечёт?

Мне тяжело далось это слово, но я его сказал:

– Мечь.

Подполковник ещё походил по комнате, потом велел ждать и запер дверь на ключ. Его не было больше часа, я ещё пару ложек картошки ухватил, только от волнения аппетит

пропал.

Про учебную подготовку говорить не буду, так, абы как, видно, всерьёз нашего брата в этой шараге никто не воспринимал, хотя я видел группу здоровых ребят, они отдельно жили. Как бы то ни было, отправили нас троих через линию фронта, и задание простейшее: убивать, взрывать объекты, мосты, железные пути. Я тех двоих сразу убрал, завалил ветками в приметном месте, и стал определяться, где нахожусь, какая местность и с кем мне речи вести опять на грани жизни и смерти. Обмундирование на мне красноармейское, легенда такая, что был в плену, да убежал из лагеря. Лагерь, если захотят проверить, назову свой.

Через два дня нарвался на разведку, скрутили, я им шепчу, что свой, из плена бегу. Привели на передовую, доложили, кому следует, меня к особисту. Пожилой капитан, злой на весь белый свет, меня, ни слова не сказав, ударил по шее. Я поднялся и говорю:

– И вам здравия желаю, товарищ капитан.

Капитан наглости удивился, но бить больше не стал. Предложил рассказать, из какой школы, сколько там курсантов, где остальные члены группы.

– Ты свои сказки о побеге кому-нибудь другому расскажешь, понял? Чую я, что ты не простой орешек, потому отправлю в дивизию, пусть разбираются.

В дивизионной контрразведке со мной говорили двое, не били, нажимали на совесть и на долг перед Родиной. Часа

три мы так перепирались, когда вошел майор и сказал:

– Есть подтверждение, ребята, что мой старый знакомый подполковник Бековский руководит школой диверсантов где-то в ближнем тылу. Вот только где? Узнать любыми путями, эта мразь столько нам крови попортила!

И тут меня что-то приподняло, я сам потом пытался разобраться, почему встал, но не смог чётко ответить. Я встал:

– Товарищ майор, я знаю эту школу и подполковника Бековского Николая Владимировича с первой мировой знаю. Я из его школы пришёл, а отпустил он меня только потому, много грехов на мне перед советской властью. И в гражданскую был вместе с ним у Врангеля с Колчаком, и в восстании против коммунистов в Ишиме участвовал. Сказал, если обману, он все это передаст в органы. Так вот, я сам все сказал. Дайте мне три добрых солдата, и мы притащим этого подполковника.

Первым очнулся майор:

– Ты не бредишь, солдат? Мы проверили твои данные, действительно, ваша группа взята в плен месяц назад, я уж хотел зачислять тебя в строй, а ты такой номер. Все правда?

– Все! – отвечаю.

– А группу не сдашь Бековскому?

– Товарищ майор, три солдата для Бековского значения не имеют, он и спасибо не скажет. А возьмем мы его, это я обещаю.

Майор поднял руку:

– Ты мне ещё честное пионерское скажи! И ничего пока не решено, что ты через фронт пойдёшь. Ты не один шёл?

– Двое их было. Убрал. Ветками завалил, могу показать.

Отправили меня под арест, принесли тёплую кашу, чай. Сажу и думаю: боялся, что подполковник выдаст про меня, а сам рассказал. Что во мне перевернулось? Почему человек, спасший мне жизнь, для меня сейчас враг, и ради того, чтобы его убрать, я заложил свою жизнь, семью свою заложил. Много дум, одна другой краше. Только, думаю, отпустили бы, если не притащу, то пристрелю. Чтобы больше не вредил.

Вечером ко мне пришёл тот самый майор, сел напротив, в глаза заглядывает:

– Понимаешь, Раздорский, начальство не особо верит в твой план, а я почему-то тебе доверяю. Не знаю, почему. Я до войны начальником колонии был, в людях разбираюсь, и вот тебе верю. Под мою ответственность пойдёшь с ребятами, и чтобы Бековский был тут живой или мёртвый, но лучше живой. Понял?

Я встал:

– Товарищ майор, а что со мной будет за прошлые дела? Трибунал?

– Ты реши дела нынешние, а про твои прошлые, кроме меня и подполковника Бековского, никто не знает. Ты понимаешь меня, солдат? Понимаешь, какую ответственность я беру?

Я только кивнул, что понимаю. Ребят мне привели крепких, молодых, но бывалых. Когда я объяснил задачу, один хихикнул:

– Дак это мы одной левой!

Я одёрнул, чтобы не брякал языком, потому что до подполковника по тылам ихним надо идти вёрст двадцать, и это не по тракту, а лесом и болотом. Да ещё изловчиться взять его тихо, если шумнём – ни подполковника, ни нас... Первую дорогу прошли без приключений, место осмотрели, чтобы ребят сориентировать: в этих домах живут курсанты, сколько их – не знаю, в том доме охрана немецкая, а в этом живёт подполковник, один, не любит соседей, одичал совсем. Прежде в доме охраны у него не было, а сейчас? Сутки высматривал, когда уходит, когда приходит, понял, что один, лампу гасит рано, хотя какой-то светильничек тлеет всю ночь.

Решился я на отчаянное. Вечером Бековский выходил погулять, но за территорию школы ни разу не шагнул, хотя вот лес рядом, где мы сидим. Полз я к дому – земли не чуял, обошлось, змеёй гибкой проскользнул в приоткрытую дверь и встал у косяка. Слышу: в комнате разговоры, меня аж ободрало, а потом дошло: радио. Вот и хозяин возвернулся, ударил аккуратно, чтобы не насмерть, спустил с крыльца. Только пополз с добычей, слышу голос, похоже Гольдберг, зовёт подполковника. Опять вши мрут от страха. Спасло немецкое воспитание. Вот как бы наш сделал: покричал, не отвечает

хозяин, открыл дверь, проверил. А этот – нет, не ответил хозяин, значит, нет в доме, а возможно, и не желает в данный момент общаться. Поползли дальше. Если без подробностей, то и отстреливались, и сутки лежали, и бегом бежали по несколько вёрст. Один паренёк карты понимал, посмотрел: до наших должно быть версты три. Пошли ещё осторожней, как бы свои не встретили. Вышли на передовое охранение, команды «Стоять!» и «Пароль?». Кое-как объяснили, что разведка мы, только ушли правее. Одних не отпустили, двое с автоматами сзади. Ну, теперь уже все равно дома.

Подполковника вели связанного, во рту кляп, так и сдал его майору. На этом бы всему и закончиться, только в жизни всякое бывает. Мы подполковника обыскали не больно тщательно, а в штабе не нашлось человека, кто бы проверил нашу работу. Бековского распоясали, посадили на табурет, а он все егозится, потом говорит:

– Господин майор, велите принесли чистые кальсоны и брюки, ваши доблестные воины помочиться не давали, прошу прощения за натурализм.

Одежду принесли, Бековский начал снимать брюки, а потом резко сунул руку в штанину и выхватил браунинг, маленький такой пистолет, и разворачивается к майору. Я его с ног сбил, да, видно, не судьба ему жить дальше: подвернулась рука при падении, и выстрелил он прямо в своё сердце. Майор подошёл ко мне, пожал руку:

– Считаю тебя спасителем своим, солдат. Пойдёшь ко мне

на особые поручения, не кипятись, эта служба тоже не мёд. А там посмотрим. И про дела наши прошлые – никому. Я, конечно, свою порцию матерков от начальства получу, но ты все правильно сделал. По нашим данным, подполковник Бековский разрабатывал диверсию против товарища Жукова. И это серьёзно, он очень грамотный человек, мы потеряли через него несколько боевых генералов. Вроде и охрана, и не передний край, а то пуля снайперская, то взрыв в штабе, то бомба под автомобилем. Товарищ Берия дал нам неделю на уничтожение этого стратега, а тут ты подвернулся. Надо бы к награде тебя, да документы не позволяют, не дай Бог начнут проверять, сам пойдёшь под расстрел.

Вскоре меня ранило, и Победу встретил в госпитале в Горьком, оттуда домой. В зрелые годы стал задумываться, как с нами жизнь играет. Бековский у меня с ума найдёт, как он моей судьбой вольно и невольно руководил и как сам в оконцовке оказался проигравшим.

3

Фёдор Петрович Ганюшкин, как ему казалось, умирал в угловой палате реанимационного отделения, куда главный врач, знающий его по прежней руководящей работе, из уважения дал команду положить. Молодые медсестры, как ему потом сказали, были против, потому что привезли его в отделение глубокой ночью сильно пьяного, а скорую вызвала хозяйка его собутыльника, сантехника или кочегара коммунального хозяйства. Если бы он мог трезво оценивать, конечно, поразился бы составу последней компании. Вспомнил, что сидели в котельной с какими-то мужиками, они узнали бывшего секретаря райкома, пригласили в компанию, а он за этим и шёл.

Ганюшкин очнулся только к вечеру следующего дня, обе руки привязаны к кровати, и из двух бутылей в его истерзанный организм вливали какую-то жидкость. Вошёл врач, молодой, красивый, раньше они не встречались, да и где?

– Как вы себя чувствуете? – почти безразлично спросил доктор.

– Хорошо, – хотел сказать он, но услышал сиплое мычание.

– Вы знаете, как попали сюда? – с небрежением посмотрел на него доктор.

Ганюшкин отрицательно покачал головой, потому что из-

давать тот звук ещё раз ему показалось страшным.

– Вас привезли в дым пьяного с почти остановившимся сердцем. Сейчас вы слышите своё сердце?

Врать не хотелось, он прислушался, в левой половине груди все горело, но сердца не почувствовал. Безднадежно посмотрел на врача.

– У вас обширный инфаркт, сейчас сердце работает только под влиянием вот этих препаратов. Если их отключить, вы умрёте.

Ганюшкин кивнул.

– Вы киваете, понимаете, что можете умереть?

Он чуть качнул головой в сторону и показал глазами на бутылки.

Доктор улыбнулся:

– Вы предлагаете отключить препараты? Увы, это запрещено, хотя на таких больных, как вы, я не стал бы тратить ни копейки. Вам понятна моя позиция?

Ганюшкин опять кивнул. Его била мелкая дрожь, все тело покрыто липким и вонючим потом. Понимая, что это бесполезно, он облизал губы и попробовал сказать:

– Доктор.

Что-то случилось, потому что врач наклонился к нему.

– Глоток спирта. Мне плохо.

Доктор воровато оглянулся назад, открыл дверцу стеклянного шкафа и налил в стакан грамм пятьдесят, развёл водой и поднёс к его рту. Ганюшкина затрясло ещё больше от пред-

вкушения, на подушках он лежал высоко, потому выпил легко и даже с удовольствием.

– Запах от вас и без того убедительный, я просто пожалел вас. Если чему-то суждено случиться, то оно случится часом-двумя раньше. Насколько я понимаю, с такими травмами миокарда в наших условиях вообще не живут. К тому же ваш образ жизни... Вы понимаете, что это между нами?

Фёдор Петрович с благодарностью кивнул. Из всего последующего ему самым неприятным было, когда молодая нянечка подсовывала утку. С уткой он знаком ещё с Афгана, но там работали медбратья из таких же салажат, как и он сам, потому никаких проблем, а тут молоденькая девчонка, она стыдится, ему неловко. Когда она его таким образом обиходила, подошла и спросила:

– Вы Нины Фёдоровны отец?

Нина – его старшая дочь, умница, муж ей хороший попался, хотя тестя в последнее время не пускал в дом. Да он и не рвался, с дочкой по телефону говорил, она иногда забежала к нему, мыла, чистила, ворчала...

– Я вас сразу узнала сегодня утром, а Нина Фёдоровна звонила, врач сказал, что очень плохо, и её не пустят к вам. Вы этого молодого доктора не особо почитайте, он нехороший человек. Вот ночью придёт дежурить доктор Струев, его слушайте. Этот вам про смерть говорил?

Ганюшкин с удивлением кивнул.

– Он всем так говорит. Раньше вообще нельзя было

с больным о его болезни говорить, а теперь прямо могут сказать, что не жилец.

Он опять кивнул, и она ушла. Вопреки обещаниям доктора, он не умер, а даже чуть полегчало. Теперь он больше всего боялся визита Нины, она женщина пробивная, может договориться, чтобы разрешили свидание, но отец от этой встречи ничего хорошего не ждал. Она вся в него, не нынешнего, а того, каким был раньше: прямая, резкая, никаких компромиссов. Учиться пошла на финансиста, хотя он рекомендовал что-нибудь гуманитарное. После института вернулась в район, диплом с отличием, девчонку взяли в отделение Госбанка. Отец смеялся:

– Нина, и охота тебе чужие деньги считать?

– Папа, ты совсем не знаешь банковского дела. Наличные деньги – только часть нашей работы, все остальное в бумагах – счета, платёжки. Не морочь себе голову, гуманитарий.

А ведь совсем недавно и было все это. Он тогда в райкоме работал, выпивал, но не сказать, чтобы заметно, дома после работы двести грамм пропустит, кажется, на душе свободней. А встречи?! Каждую неделю кто-то из области в гостях, а гости всякие, кто только поужинает и в машину, а с иным до полуночи сидит. Утром на работу надо к семи часам, встанет в шесть, зарядку кое-как сделает, обмоется по пояс, зубы прочистит и горло прополощет, а жена все равно с подозрением смотрит:

– Нет, Федя, и рожа, извини, у тебя не райкомовская, и за-

пах не коммунистический.

Старшая дочь Валюша после института уехала на Север, вышла замуж, приезжали с мужем на недельку после южного отдыха, она о беде отца позже всех узнала. А Нина душе-спасительные беседы устраивала после каждого серьёзного срыва. Ганюшкин поначалу все на Афган сваливал, мол, поистрепали нервы, вот и хочется хоть как-то забыться.

Афган мало кому на пользу пошёл, разве московским генералам, которые за золотыми звёздами сюда прилетали. Отсидится месяц в каком-нибудь гарнизоне под прикрытием спецназа и пары вертушек, а потом распишет свои подвиги. Он сам читал в «Звезде» про одного, которого они же и охраняли, так он только что не перестрелял всех духов, так развоевался, что позиции наших войск радикально укрепились. А сам, падла, на толчок ходил с парой автоматчиков.

Там же Ганюшкина и ранило за месяц до демобилизации, с бронемшины как ветром сдуло, осколок фугаса в груди застрял. Ребята быстро в машину и в лазарет, а там хирургом оказался молодой совсем человек, но рискованный. Видит, что парень кровью исходит, велел бросить на стол, гимнастёрку ножницами располовинил, а Ганюшкин уже поплыл, слышал только, что врач девчонок медсестёр материт, те боятся, ни разу не видели, чтобы из живого человека кусок железа торчал. Через двое суток очнулся, а хирург этот над ним сидит, улыбается:

– Ну, дембель, забирай свой осколок и шпарь домой. Я те-

бя к вечеру отправлю вертушкой в госпиталь, пусть посмотрят, все ли там ладно. А девчонкам спасибо скажи, видишь, какие они смирные, я из них всю кровь для тебя высосал. Жениться тебе на них уже нельзя, кровное родство. Понял?

В госпитале долго шептались доктора, когда рентген посмотрели. В сантиметре от сердца осколок, а тот пацан без церемоний выдернул.

Афган многих ребят подсадил на наркотики, в Союзе про них только слышали, а тут рядом и сколько хочешь. Ганюшкин один раз ширнулся и больше не стал, испугался, лучше спирта кружку накинуть для храбрости. Там и втянулся. Когда домой пришёл, скрывался, в сельхозинститут поступил, спортом занялся, а бутылку на троих соображали часто, особенно после удачного калыма на разгрузке барж...

Услышал в коридоре голос Нины, идёт командир, сейчас будут разборки. Дверь открыла, в белом халате, в шапочке, ну, чисто врач, подошла, села на стульчик. Отцу совестно, глаза прикрыл, притих. И вдруг слышит: всхлипывает. Открыл глаза – дочь его и не его сидит, плачет, на него, как на самого дорогого, смотрит. Достала салфетки, лицо ему протёрла, а слезы так и капают.

– Давно я так рядом с тобой не была, а вот видишь, как довелось. Говорила с главным, решили так: только можно будет, увезу тебя в кардиоцентр. Я только сегодня поняла, как ты нам нужен. Ты же отец, опора наша, а мы тебя потеряли. Прости, папа, в этом и мы виноваты, и мама, и Валю-

ша. Ты только не переживай, лежи спокойно, я дала главному несколько денег, чтобы препараты посерьёзнее использовали. Вале позвонила, она приехать не может, но в кардиоцентр вырвется. Ты ведь не знаешь, она теперь заместитель начальника нефтеуправления по экономике. А начальник Юрий Тимофеевич, который у тебя инструктором был в райкоме, а потом на Север перевёлся, ты же ему помогал. Я тебе соки оставлю, больше ничего нельзя. Ты сейчас как чувствуешь? Болит? Это нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.